

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-9-19>

УДК 94(47).066 + 94(47).07

ББК 63.3(2)4 + 71(2) + 85.33(2)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. А.В. Белов

г. Москва, Россия

УТВЕРЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК» И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО РУССКОГО ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Аннотация: В статье на основании источников, в том числе архивных, впервые вводимых в научный оборот, рассмотрены обстоятельства и особенности возникновения и утверждения в России понятия «исторический источник». Особое внимание при этом уделено периоду, который стал переломным для данного процесса, что позволяет увидеть тенденции его развития во всей их противоречивости. Речь идет о рубеже XVIII – XIX вв., когда представления о ценности исторического памятника (в данном случае архитектурно-градостроительного) уже наметились и даже получили некоторое воплощение, но еще не сформировалось точного определения причин ценности места и артефакта, а также необходимости сохранения первоначального его вида как образа исторического времени, и одновременно – источника информации по этому времени. В работе рассмотрены различные подходы к историческому памятнику, которые проявились в деятельности высших региональных сановников П.Д. Еропкина, Я.Е. Сиверса, М.Н. Кречетникова А.А. Прозоровского, И.С. Рикмана, Р.Л. (И). Воронцова, И.М. Долгорукова, а также восстанавливающего Москву после «наполеоновского разорения» А.П. Тормасова. Диапазон их отношения к проблеме сохранения исторического памятника был очень разным. Он простирался от безразличия и поиска источников пополнения бюджета до слабо скрываемых политических амбиций. В статье показаны первые достижения этих региональных управленцев. Как отрицательные, так и положительные. В том числе выразившиеся в появлении в провинциальных городах страны первых мемориальных музеев.

Ключевые слова: русский город, исторический памятник, городское пространство, городская среда; мемориальный музей.

Информация об авторе: Алексей Викторович Белов — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, 117292 г. Москва, Россия; профессор Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Стремянной пер., д. 36, 115054 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

E-mail: belovavhist@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.10.2024

Дата одобрения рецензентами: 15.12.2024

Дата публикации: 25.03.2025.

Дата цитирования: Белов А.В. Утверждение понятия «исторический памятник» и особенности развития культурного пространства провинциального русского города во второй половине XVIII – начале XIX вв. // Вестник славянских культур. 2025. Т. 75. С. 9–19. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-9-19>

Предыстория утверждения понятия. Исторический памятник (в современной юридической трактовке — «объект культурного наследия (памятник истории и культуры)» [11] — это артефакт, сооружение или место (а чуть позже и культурный археологический слой), обладающие качеством «эксклюзивного» [11] исторического свидетельства, придающего данному объекту особый статус и требующего особого отношения. Показательно, что данные нормы признаются в большинстве своем не только властями, краеведами-подвижниками, но и самыми широкими слоями общества. Даже лицами, отрицающими важность объекта, и проявляющими по отношению к нему варварские действия, так как привлекательность памятника для акта вандализма напрямую связана с принятым в обществе значением этого объекта.

Казалось бы, осознание исторического памятника было всегда присуще человечеству, для которого он выступал обязательным элементом исторической памяти. В частности, аналогичные объекты встречались в культуре Древнего Рима, и, следовательно, они имманентно обладают свойствами «памятника», присущими всей европейской цивилизации. Но в каждой из частей Старого света аналогичные процессы имели свою специфику. Была она и в России.

Как устойчивое и востребованное явление общественной жизни нашей страны понятие «исторический памятник» появляется на рубеже XVIII–XIX вв. Отчасти этому способствует рост общественного самосознания, получившего значительный рост в результате Отечественной войны 1812 г. Но необходимо учитывать, что данное явление не порождает, а лишь подхватывает и усиливает тенденции, зародившиеся ранее, в период правления Екатерины II.

На стыке эпох. Становление представления об историческом памятнике. Победоносное правление «матушки императрицы», к тому же преднамеренно политически сориентированное не «во вне» (как при Петре Великом), а внутрь страны, заметно изменило представление жителей империи о своем прошлом. С началом освоения Северного Причерноморья (причем еще до присоединения Крыма [3, с. 31]) и формирования Новороссийского края усилилась тема исторического контекста принятия христианства. В частности, это выразилось в новой топонимике.

Так, например, появился город Херсон, названный по аналогии близкому с точки зрения географического положения, но пока еще политически и территориально чужого Херсонеса. В те же годы чрезвычайную роль в отечественной драматургии занимает тема Древней Руси. Что показательно это было связано в значительной степени с государственной политикой, так как театральная культура развивалась в рамках придворного театра и «придворного общества» [1, с. 11]. Что показательно, сюжеты на тему русской истории воплощались на сцене в форме высокого жанра — трагедии, начиная уже с А.П. Сумарокова, ее создателя [4, с. 11].

Вместе с тем произошедшее вскоре присоединение к России Северного Причерноморья и исследование его территории привело к возникновению «прежде всего здесь на юге России» первых провинциальных музеев [3, с. 31]. Данный процесс дал мощный толчок поиску, систематизации и изучению исторических артефактов, начав процесс укоренения представления об историческом памятнике в России.

Вторая половина XVIII столетия, будучи «пограничной» эпохой, содержала в себе нередко противоположные элементы одного и того же процесса, что было вызвано его незавершенностью. Так, с одной стороны, произошла фиксация внимания власти и части просвещенной общества на объектах, которые выступали важными свидетельствами наиболее значимых вех политической истории страны; с другой — еще отсутствовало представление об историческом памятнике как о ценности, которая требует уважения не только к самому факту его существования, но и к форме. И дело не только в несформированности представления о важности исторического облика как качества исторического памятника, что выражалось в извечном стремлении «подновить» и «улучшить» его нередко обветшалый вид. Но и в самом факте существования данного артефакта.

«Старая Столица». Приведем такой пример. В Москве 70-х – 80 гг. XVIII в. в честь целого ряда побед русского оружия артиллерия гарнизона давала многочисленные салюты. К этому моменту боевые орудия уже были перенесены с Красной площади (где началась активная реконструкция) непосредственно в городскую крепость, т. е. в Кремль. Здесь они были поставлены в буквальном смысле под окнами Архиерейского дома. В итоге мощные залпы стали причиной не только выбитых стекол в окнах соседних палат. Сами древние постройки (бесспорные свидетели многовековой истории Москвы и России) претерпели такой урон, что он стал грозить их буквальным «разрушением» (РГАДА. Ф. 16. Д. 578. Ч. I. Л. 72).

В ответ на излишне ретивое старание военных, главы московской епархии отправили в Петербург жалобу на генерал-губернатора — «главнокомандующего Столичного города» Петра Дмитриевича Еропкина. В итоге на самом высоком уровне инициировали расследование обстоятельств. У московского сановника потребовали письменных объяснений случившегося. Этот документ, датированный 1786 г., сохранился в архиве. Текст сообщения весьма показателен. Согласно ему глава Первопрестольной велел орудия не убирать, но отодвинуть чуть дальше от окон и бить «из меньших пушек и с уменьшительными зарядами» (РГАДА. Ф. 16. Д. 578. Ч. I. Л. 72). При этом П. Д. Еропкин аккуратно намекнул в своем отчете, что священники совсем напрасно так боятся за цельность кремлевских построек, которые и без того ветхи, из-за чего способны рухнуть сами без помощи артиллерийских залпов (РГАДА. Ф. 16. Д. 578. Ч. I. Л. 72–72 об). Как мы видим, никакого участия в деле сохранения наследия один из самых крупных чиновников империи не только не проявил, но даже не догадывался о необходимости подобного поведения.

Губернский Новгород. Аналогичное отношение к памятникам старины (причем куда более древними и уважаемым) показал и другой, куда более видный реформатор, а также весьма грамотный чиновник екатерининского времени — Яков Ефимович Сиверс. Будучи назначенным в тот же самый период (1764 г.) главой Новгородской губернии, он претворял в жизнь план устройства регулярного города. В ходе реализации этого проекта (к слову сказать, одобренного на самом верху!) в Великом Новгороде не только возникла современная сетка улиц, но был причинен заметный урон местному историко-культурному наследию. Так, помимо прочего, по приказу губернатора разо-

брали на камень древнюю церковь Дмитрия на Торгу [7, с. 421–422]. И на этом процесс не остановился. В первые годы XIX столетия очередной гражданский губернатор Иван Савастьянович Рикман официально поднял вопрос о необходимости обратить в строительный камень весь древний детинец, или хотя бы его наиболее обветшавшую его часть [7, с. 436].

Правда, одновременно наблюдались и обратные процессы. Так, непосредственный ученик Я.Е. Сиверса в деле государственного управления Михаил Никитич Кречетников, ставший чуть позже своего наставника генерал-губернатором Калуги, не только отказался от практики разрушения старых зданий, но в 1783 г. выдвинул, по сути впервые, идею обязательной реставрации древних сооружений административных центров («поравнять в обвалившихся местах») (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 575. Ч. II. Л. 18 об).

Тот же процесс наблюдался и в других древнейших городах, но уже на территории современного Подмосковья. В 1792 г. глава Москвы Александр Александрович Прозоровский оказался перед необходимостью решать вопрос о сносе кремля в Коломне (иллюстрация 1). Основания для этого были более чем основательные, так как своих функций укрепления давно уже не выполняли. При этом территория обширной крепости была заселена, и ветхие постройки представляли немалую опасность как для собственности, так и для самой жизни обывателей и церковных лиц. Он писал в Петербург по этому поводу: «Часть уже как стен, так и шпицы башен обвалились, да и все ворота угрожают падением» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. Ч. III. Л. 169). Однако А.А. Прозоровский, человек резкий, которого не без основания обвиняют в солдафонстве (в частности по отношению к владельцу «вольного» Петровского театра Майклу Медоксу, немало натерпевшемуся от него [8, с. 93]), искренне беспокоился о потере красивого коломенского кремля. Он писал своему фактическому руководителю — графу Александру Андреевичу Безбородко:

Но надо Милостивый Государь мой! о сем сожалеть, как ни где нет в России такого прямого готического вкуса башен и ворот, и построение сие из кирпича (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. Ч. III. Л. 169).

В итоге сановник сохранил крепость. Правда, вскоре все-таки пришел приказ, разрешивший разбор «цитадели». Но автором его был не кто иной, как новый русский император Павел I. Жители получали право разломать укрепления и разобрать их на кирпич для собственных нужд. И процесс этот даже начался, но вскоре все-таки был отменен, благодаря чему коломенский кремль дошел до наших дней, хотя мы и видим его сегодня с сильными утратами.

Владимирская земля в ходе губернской реформы Екатерины II: материальная память о великом прошлом и «местечковые» политические амбиции. При этом одним из главных регионов (наряду с Москвой), где выкристаллизовывалось понятие исторического памятника и утверждались традиции его сохранения, стала новоучрежденная при Екатерине II Владимирская земля и сам древний Владимир.

Хорошо известно, что в 1778 г. Владимир-на-Клязьме стал центром административного региона, но мало кто знает, что причиной этого оказался не столько потенциал города, сколько его негласный статус исторического памятника. Да еще, пожалуй, амбиции местного генерал-губернатора Романа Илларионовича (Ларионовича) Воронцова. Сегодня этого человека помнят исключительно как отца княгини Екатерины Романовны Дашковой, а также благодаря нелицеприятной (но вполне справедливой) поговорке,

данной Екатериной II («Роман большой карман»), забывая об исключительно больших амбициях этого регионального сановника.

Роман Воронцов занял место генерал-губернатора, объединил под своим началом в единое целое сразу несколько губерний (Владимирскую, Костромскую, Пензенскую и Тамбовскую). По сути он становился «государем в государстве», местным «сатрапом», что на тот момент согласовывалось с задачами внутренней политики Екатерины, но впоследствии уже практически никогда не повторялось, про крайней мере в пределах исторического центра империи.

Наместничества, во главе которых императрица ставила своих генерал-губернаторов, были подобием маленьких держав, а их главы представляли собой своеобразное воплощение воли и власти монарха на местах, обладая всей полнотой функций, за исключением только внешнеполитической, и отчитываясь непосредственно перед императрицей через ее статс-секретарей. Это льстило и привлекало Р.И. Воронцова, который ощущал себя полновластным главой. При этом он даже попытался соединить воедино вверенные ему разрозненные губернии в одно территориальное образование. Преследуя эту цель, он большими трудами добился передачи в 1779 г. города Елатьмы из «чужой» Рязанской губернии в «свою» Тамбовскую (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 636. Л. 8), создав перемышку между двумя северными губерниями его генерал-губернаторства (Владимирской и Костромской) и двумя юго-восточными (Тамбовской и Пензенской).

Таким образом, древний Владимир с его домонгольскими храмами бесспорными символами исконного политического величия (в том числе и политического, столичного), более чем подходил Р.И. Воронцову на роль центра всего генерал-губернаторства.

Весьма показательно, что, судя по отправленному сановником императрице отчету от 31 декабря 1778 г., он отдал распоряжение о заведении губернских присутственных мест именно во Владимире еще до начала своей инспекционной поездки по вверенной территории. Целью поездки как раз и было выявление мест, подходящих для роли административных центров (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 638. Л. 22). Зачем? Он преследовал иные цели и все решил уже заранее.

Владимир по своим хозяйственно-экономическим качествам на эту роль не годился. В третьей четверти XVIII столетия он представлял собой небольшой городок, население которого занималось аграрными промыслами. В первую очередь выращиванием вишни (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 41. Л. 10 об) и сбытом ее сока. На этот момент во Владимире проживало всего около 5,1 тыс. человек обоего пола (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 45. Л. 1). В этом отношении Владимир не сильно отличался от Юрьева-Польского, имевшего около 2,5 тыс. жителей (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 79. Л. 1). Суммарное число владимирских купцов и мещан обоих полов, насчитывало 2,8 тыс. По этому показателю Владимир уступал Суздалью на 7% (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 69. Л. 14), а Мурому на 15% (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 60. Л. 10 об). При этом активность и достаток последних городов был не в пример выше.

Владимирские купцы отличались откровенной бедностью (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 69). Настолько, что они не могли своим капиталом обеспечить обязательную постройку — Гостиный двор. От полной безысходности местные власти намеревались отпустить на это дело даже сумму капитала Приказа общественно призрения (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 639. Л. 69), что было строжайше запрещено.

Таким образом, именно осознание Владимира властями как исторического памятника стало определяющим в деле избрания именно этого города на роль центра

генерал-губернаторства. Хотя и произошло это в большей степени в политическом, нежели в культурном контексте.

Владимирская губерния в первые годы XIX в: утверждение практики музеефикации исторического памятника. Окончательное утверждение понятия исторический памятник за объектами, находящимися на территории городов Владимирской губернии, пришлось на период правления другого главы этого края — Ивана Михайловича Долгорукова (иллюстрация 3) [6, 68], возглавлявшего Владимирскую губернию с 1802 по 1812 г. Т. е. на этапе, непосредственно предшествующем первой в истории России Отечественной войны.

Благодаря усилиям И.М. Долгорукова в 1810 г. в Переславле-Залесском с особой торжественностью был открыт музей ботика Петра I. В специально устроенном помещении создали полноценную экспозицию, включавшую помимо самого судна «старый портрет Петра Первого во весь рост <...> ковчег цветного дерева <...> все, хранившиеся до толе, снасти, якоря и разные утвари дворца, в котором жил некогда порфироносный младенец» [9, с. 151]. Это первый мемориальный музей, который функционирует уже более 200 лет!

Еще за 3 года до этого усилиями того же руководителя в самом Владимире были отреставрированы Золотые ворота (иллюстрация 4) [5, с. 2]. Причем работам этим придавалось значение сохранения и демонстрации исторического памятника.

При этом у данного события была своя подоплека.

Как известно, «от великого до смешного один шаг». Глава города давно лелеял идею реализовать данный замысел, но мешало банальное отсутствие средств. Ради их сбора власти объявили подписку, позволившую собрать половину денег. Получение второй части нужной суммы стало возможно благодаря ошибке, правда совершенной лично российским императором Александром I. До августейшей особы дошло сообщение владимирского губернского прокурора Зузина о благородном и бескорыстном поступке некой муромской мещанки, пострадавшей во время пожара, но не присвоившей себе чужие ценности и вернувшей их владелице безвозмездно. Александра поразило благородство простой «обывательницы», и он приказал ее отыскать, чтобы передать лично от себя 1 тыс. руб. Однако при поиске адресата выяснилось, что сообщение ложно, и сам губернатор Долгоруков охарактеризовал его: всего-навсего — «сплетня прокурорская» [9, с. 30]. Кроме того, вскоре и сама мещанка, которой приписали благородный поступок, умерла [7, с. 29]. Деньги оказались бесхозными, и местные власти решили положить их в фонд реконструкции храма-памятника, который и по сей день является визитной карточкой древнего города.

Заключение. Таким образом, рубеж XVIII и XIX вв. стал тем временем, когда проблема сохранения исторического памятника была осмыслена и закреплена на практике. Одним из проявлений данной тенденции стало, в частности, восстановление ряда исторических зданий Москвы после пожара 1812 г. Большое внимание этому процессу уделял глава города Александр Петрович Томасов (иллюстрация 3) [6, с.35]. Правда, данная тенденция выражалась еще не в законодательной форме. Но уже во второй половине того же XIX в., во время открытия историко-археологического общества 3 ноября 1863 г., основатель и председатель этого объединения граф Алексей Сергеевич Уваров подвел итог процессу утверждения в России понятия «исторического памятника» и необходимости научного отношения к нему:

Не только мы, но и наши предки не умели ценить важность родных памятников, и без всякого сознания, с полным равнодушием, безобразно исправляли старые здания или восстанавливая их сызнова, они не понимали, что каждый раз вырывали страницу из народной летописи... Ученые исследования о русских древностях только изредка появлялись у нас, большей же частью довольствовались сухим, и часто даже не точным описанием самого предмета [10, с. III].

При этом уже к середине XIX в. сам термин «исторический памятник» не только получил осмысление в практике научного сообщества, но и вошел в обиход просвещенной части населения непосредственно на местах. По крайней мере, в правление Николая I данное понятие используется в значении неоспоримой ценности, исключительно важной и для всей страны, и для территории нахождения артефакта, придающего особую узнаваемость этому месту. Когда в 1846 г. в дворянском собрании Переяславля-Залесского обсуждалась судьба музея, посвященного ботику Петра I, местный житель, коллежский секретарь Юшков, выступил с особой запиской, которую завершил словами:

А главное наш родной исторический памятник останется на прежнем месте, где не только Россия, но и самая Европа привыкла его видеть столько лет [2, с. 41].

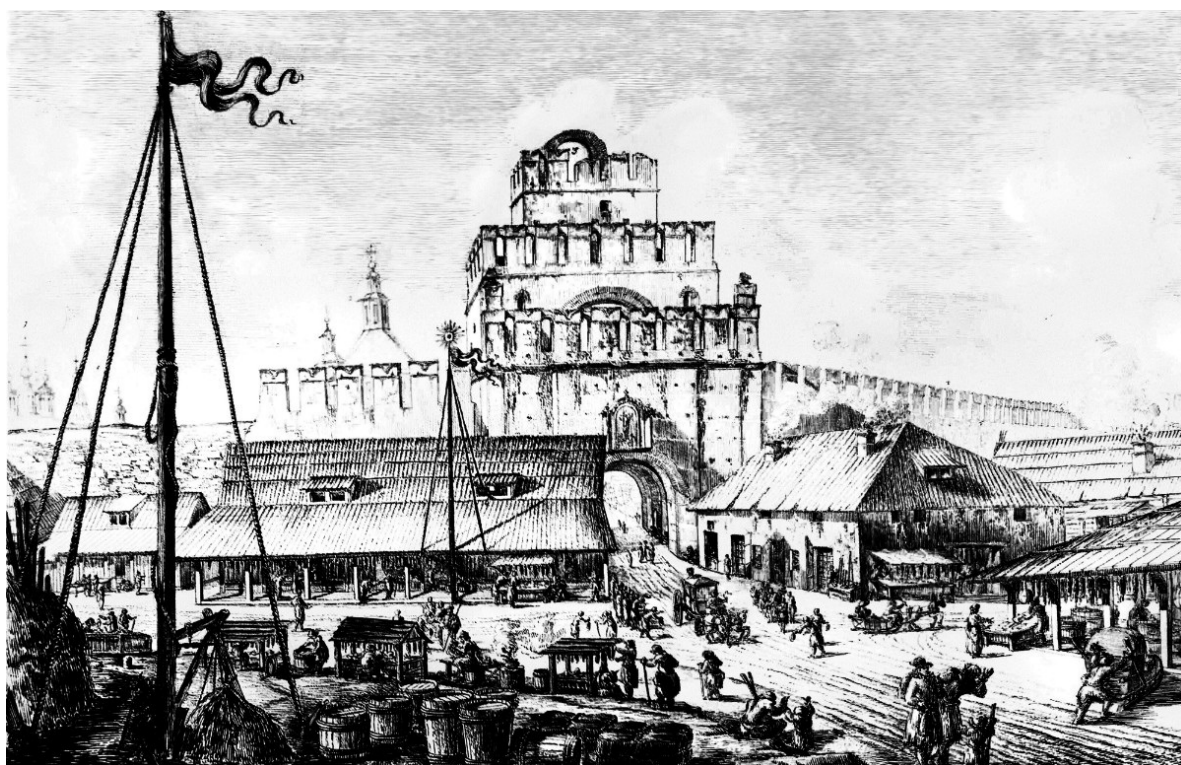

Иллюстрация 1 — Пятницкая башня Коломенского кремля. М.Ф. Казаков.

Рисунок. 1778 г.

Figure 1 — Pyatnitskaya Tower of the Kolomna Kremlin. M.F. Kazakov.

Figure. 1778

Иллюстрация 2 — Александр Петрович Тормасов. Главнокомандующий и военный генерал-губернатор Москвы в 1814–1819 гг.

Гравюра из книги «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (1905–1909 гг.) [6, с. 35]

Figure 2 — Alexander Petrovich Tormasov. Commander-in-Chief and Military Governor-General of Moscow in 1814–1819.

Engraving from the book “Russian Portraits of the 18th and 19th Centuries” [6, с. 35]

Иллюстрация 3 — Иван Михайлович Долгоруков. Губернатор Владимирской губернии в 1802–1812 гг.

Гравюра из книги «Русские портреты XVIII и XIX столетий» (1905–1909 гг.) [6, с. 16]

Figure 3 — Ivan Mikhailovich Dolgorukov. Governor of the Vladimir Province in 1802–1812.

Engraving from the book “Russian Portraits of the 18th and 19th Centuries” [6, с. 16]

Иллюстрация 4 — Золотые ворота во Владимире.
Гравюра С. Галактионов их журнала «Отечественные записки» [5, с. 2]
Figure 4 — Golden Gate in Vladimir.
Engraving by S. Galaktionov from the Journal “Domestic Notes” [5, p. 2]

Список литературы

Исследования

- 1 Агеева О.Г. Императорский двор России эпохи Павла I. М.: Изд-во Фонда «Связь Эпох», 2018. 440 с.
- 2 Иваненко Б.В. Историческая усадьба «Ботик» близ Переславля-Залесского: в 122-ти-летию находящегося в ней Петровского музея. (1803–1928 г.) // Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. М.: MelanarE, 2004. Вып. 9. С. 37–47.
- 3 Каспаринская С.А. Музеи России и влияние государственной политики на их развитие (XVIII – начале XX в.) // Музей и власть. М.: НИИ культуры, 1991. Ч. I. С. 8–95
- 4 Моисеева Г.Н. Пути развитие драматургии XVIII вв. // Русская драматургия XVIII в. М.: Современник, 1987. С. 3–22.
- 5 Отечественные записки. 1824. Ч. XIX, № 51–53. 414 с.
- 6 Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905. Т. I. 195 с.
- 7 Трояновский С.В. Великий Новгород: Седмицы истории. 859–1990 годы. М.: Весь мир, 2015. 544 с.
- 8 Чаянова О.Э. Театр Маддокса в Москве: 1776–1805. М.: Работник просвещения, 1927. 262 с.

Источники

- 9 *Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим. СПб.: Наука, 2005. Т. 2. 728 с.
- 10 *Уваров С.А.* О деятельности предстоящей Московскому археологическому обществу. Вступительная речь председателя графа А.С. Уварова. // Древности. Труды Московского археологического общества. М.: Тип. В.Е. Грачева и товарищества, 1865. Т. 1, вып. 1. 228 с.
- 11 Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Сайт Администрации Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18230> (дата обращения: 14.04.2024).

© 2025. Alexey V. Belov
Moscow, Russia

**ESTABLISHMENT OF THE CONCEPT OF “HISTORICAL MONUMENT”
AND FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF CULTURAL SPACE OF THE
PROVINCIAL RUSSIAN CITY
IN THE SECOND HALF OF THE 18TH – EARLY 19TH CENTURIES**

Abstract: The paper was written on the basis of a number of the sources, including archival ones, for the first time introduced by the author into scientific discourse. The work analyzed the peculiarities of the emergence in Russia of the concept of “historical monument”. The author paid special attention to the historical period, which came to be critical for this process that allows for understanding the whole process in all its inconsistencies. The paper refers to the turn of the 19th century when ideas about the value of the historical (in this case architectural and city-planning) monument were already present, yet an accurate definition of the rationale of the value of historical site and artifact has not yet been formed just as the necessity of preserving its original appearance as an image of historical time and the source of information on the given era at the same time. The study examined different approaches towards the historical monument, which manifested itself in the work of senior officials in different provinces of the Russian Empire. These include such figures as governors-general and governors P.D. Eropkin, Y.E. Sievers, M.N. Krechetnikov A.A. Prozorovsky, I.S. Rikman, R.L. (I). Vorontsov, I.M. Dolgorukov. Their works displayed quite an array of attitudes towards the historical monument: from the indifference and simple search for the sources of wealth to barely concealed political ambitions. The paper shows the first achievements of these regional executives, both negative and positive ones, e.g. resulting in emergence of the first memorial museums in provincial cities.

Keywords: Russian City, Historical Monument, Urban Space, Urban Environment, Memorial Museum.

Information about the author: Alexey V. Belov — DSc in History, Senior Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Dmitry Ulyanov St., 19, 117292 Moscow, Russia; Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyannoy Pass., 36, 115054 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

E-mail: belovavhist@mail.ru

Received: October 10, 2024

Approved after reviewing: December 15, 2024

Date of publication: March 25, 2025

For citation: Belov, A.V. “Establishment of the Concept of ‘Historical Monument’ and Features of the Development of Cultural Space of a Provincial Russian City in the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 75, 2025, pp. 9–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-75-9-19>

References

- 1 Ageeva, O.G. *Imperatorskii dvor Rossii epokhi Pavla I* [*The Imperial Court of Russia of the Era of Paul I*]. Moscow, Svjaz' Jepoh Publ., 2018. 440 p. (In Russ.)
- 2 Ivanenko, B.V. “Istoricheskaia usad'ba ‘Botik’ bliz Pereslavlja-Zalesskogo: v 122-ti-letiiu nakhodiashchegosia v nei Petrovskogo muzeia. (1803–1928 g.)” [“Historical Estate ‘Botik’ near Pereslavl-Zalessky: on the 122th Anniversary of the Petrovsky Museum Located in it. (1803–1928)”]. *Trudy Pereslavl'-Zalesskogo istoriko-khudozhestvennogo i kraevedcheskogo muzeia* [*Proceedings of Pereslavl-Zalessky historical, art and regional Museum*], vol. 9. Moscow, MelanarE Publ., 2004, pp. 37–47. (In Russ.)
- 3 Kasparinskaia, S.A. “Muzei Rossii i vliianie gosudarstvennoi politiki na ikh razvitie (XVIII – nachale XX v.)” [“Museums of Russia and the Influence of State Policy on their Development (18th – Early 20th Century)”]. *Muzej i vlast'* [*Museum and Authorities*], vol. 1. Moscow, NII kul'tury Publ., 1991, pp. 8–95. (In Russ.)
- 4 Moiseeva, G.N. Puti razvitie dramaturgii XVIII vv. [“Paths of Evolution of the Drama of the 18th Century”]. *Russkaia dramaturgiia XVIII v.* [*The Russian Drama of the XVIII c.*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, pp. 3–22. (In Russ.)
- 5 *Otechestvennye zapiski*. 1824. Part XIX, no. 51–53. 414 p. (In Russ.)
- 6 Russkie portrety XVIII i XIX stoletii [Russian Portraits of the 18th and 19th Centuries]. vol. I. St. Prtetsburg, Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1905. 195 p. (In Russ.)
- 7 Troianovskii, S.V. *Velikii Novgorod: Sedmitsy istorii. 859–1990-e gody.* [*Veliky Novgorod: Weeks of History. 859–1990*]. Moscow, Ves' mir Publ., 2015. 544 p. (In Russ.)
- 8 Chaianova, O.E. *Teatr Maddoksa v Moskve: 1776–1805* [*Maddox Theater in Moscow: 1776–1805*]. Moscow, Rabotnik prosveshheniia Publ., 1927. 262 p. (In Russ.)